

Ольга
Михайлова

Мистика для интеллектуалов

КЛЕЙМО ДЬЯВОЛА

Мистика для интеллектуалов

Ольга Михайлова

Клеймо дьявола

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Михайлова О. Н.

Клеймо дьявола / О. Н. Михайлова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Мистика для интеллектуалов)

В элитарный университет Меровинг на юге Франции прибывают тринадцать студентов из разных стран Европы. С виду это обычные юноши и девушки, и многие из них даже не подозревают, что все они — оборотни из проклятых родов, и каждый наделен особым демоническим даром. Все они имеют на теле знак сатаны, клеймо дьявола, но им неизвестно, что это означает. Не знают они и того, что за ними весьма пристально наблюдают демон смерти Эфронимус и архангел Рафаил, ведущие свой извечный спор о милосердии Божьем и свободе человека... Сумеют ли потомки проклятых родов спасти свои души, или дьявольские дарования приведут их к чёрной бездне ада? Серия «Мистика для интеллектуалов» включает себя романы о дьяволе. Но не о том, киношном и шутовском, аллегории обаятельного зла, чей образ столь часто эксплуатируется сегодня, а о подлинной сущности Палача на службе Бога — умнейшего искусителя, творца иллюзий и «адского фигляра». Не во всех романах серии он проступает в своем подлинном обличии, но глаза человека духовного, безусловно, различат его следы в гибельных событиях и лживых фантомах самых разных эпох.

© Михайлова О. Н.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Михайлова КЛЕЙМО ДЬЯВОЛА

Научи меня, Господи, пути твоему и наставь меня на стезю правды; не предавай меня на произвол врагам моим, ибо восстали на меня свидетели лживые и дышат злобою. Но я верую, что увижу благость Господа на земле живых.

– Пс. 26, 9-14

Пролог **SIGILLUM DIABOLICUM. КЛЕЙМО ДЬЯВОЛА**

Первая половина XVI века.

Узловатые старческие пальцы вцепились в чёрный могильный камень и медленно сдвинули его с места. Бурая жаба, сидевшая под ним, не успев подпрыгнуть, была схвачена и спрятана в ветхой корзинке из ивняка, где уже под ветошной тряпицей лежали ягоды бересклета, пучки болотного веха, соцветия болиголова, привядшие колокольчики дурмана да коробочки мака. Старуха неспешно двинулась вдоль кладбищенской ограды и вновь остановилась под старым тисом, начав ворошить траву кривой клюкой. Между стеблями крапивы и репейников виднелись алые шляпки мухоморов. Они тоже были опущены в корзину.

На темнеющем небосклоне уже взошла луна. Неумолчно звенел хорочных цикад. Около свежей могилки ребенка Анриетты Леже, умершего через несколько часов после появления на свет, старуха снова остановилась. «Хорошо сработала Верье-повитуха...» Из тени ограды выступили люди с лопатами, старуха молча указала костлявым пальцем на могильный холмик.

Вечером в покосившемся домишке на городской окраине около кипящего котла собирались пятеро. Лица их трудно было рассмотреть при свете едва тлеющей лучины и огня из печи. Бурая смесь то бугрилась огромными волдырями, то вскипала зеленоватой пеной. Старуха долила в котел прозрачное масло с темной закопченной сковороды. Варево заклубилось розоватым паром и загустело. Остудив зловонную мешанину, собравшиеся, раздевшись, начали втирать её в кожу.

Дальнейшее, записанное нетвёрдой рукой престарелого монаха, отца Алоизия, обрывками сохранилось в городской летописи. Смерть, свидетельствовал старик, как бледный всадник Апокалипсиса, казалось, вырвалась из ада. Городишко Шаду накрыла волна ужаса, кварталы заполыхали, целые семьи находили зверски убитыми в постелях в дочиста ограбленных домах. Никто не понимал, откуда пришла беда, лишь однажды в дыму пожарища была замечена тень согбенной старухи с кривой клюкой. Несколько перепуганных горожан утверждали, что перед пожарами по ночным улицам проносились пятеро волков, но их словам мало кто поверили. Всё, что сумели горожане – послать сына кузнеца в соседний город к епископу с мольбой о помощи.

Его преосвященство услышал вопль шадуанцев. В город прибыл небольшой отряд инквизиции во главе с человеком с отрешенными глазами цвета цикория, все время ходившим в одной и той же ветхой доминиканской рясе и откликавшимся на имя Рафаил. Пятеро обезумевших горожан были схвачены и водворены в тюрьму, старуха тоже задержана. В её доме нашли закопанными под порогом несколько детских скелетов, а горшки в чулане были заполнены зловонными смесями ядовитых трав да засушенными трупиками жаб и летучих мышей.

Из пятерых арестантов, бесновавшихся в камере всю ночь, троих наутро нашли мёртвыми. Двое сошли с ума. Старуху городской суд приговорил к сожжению.

Весь городок собрался на площади. Доминиканец торопил палача и призывал народ молиться о милости Божьей к несчастной, презревшей безграничность милосердия Божьего и отвернувшейся от креста Господня. Привязанная к столбу старуха молчала, угрюмыми тусклыми глазами озирая безмолвствующую толпу.

Пламя уже охватило поленницу, когда на площади появился человек лет сорока в чёрном плаще. В толпе зашептались: уж очень незнакомец резкими чертами – изломанными бровями над сумрачными веждами да крючковатым носом – походил на дьявола. На миг доминиканец и человек в плаще встретились глазами, и в это мгновение раздался утробный вой старухи, а налетевший невесть откуда порыв ветра разметал искры пламени по всей площади. Попадая на лица и руки собравшихся горожан, прожигая ткань одежды, они опаляли кожу. В суматохе никто не заметил, куда пропал похожий на чёрта незнакомец. Исчез и инквизитор со своим отрядом.

Монах Алоизий на полях рукописи отметил, что со смертью старухи бесчинства прекратились. Но отметины от ожогов не исчезли, оставшись на лицах и телах некоторых горожан тёмными пятнами. Однаковой и весьма странной формы, напоминавшей маленькую подкову.

Триста пятьдесят лет спустя. Август 1882 года.

Эфронимус, высокий сумрачный брюнет лет сорока, молча сидел в кресле у камина с бокалом в руках, глядя сквозь хрусталь на закат. Бесформенная хламида из струящегося серого шелка почти скрывала его скелетообразную худобу. В глазах под густыми, словно переломанными пополам бровями застыли бесстрастие и скука.

С жаровни у камина струился тяжёлый аромат сандала, пачулей и ванили. Сгущались сумерки. Эфронимус лениво взглянул на фитиль, и свеча вспыхнула.

Откуда-то вдруг пахнуло ладаном – смесью стакти, ониха, халвана душистого и чистого ливана, потом проступил бальзамический аромат смолы элеми и даммара, свежий, терпкий, лимонный. Эфронимус брезгливо сморщился, отставил бокал и повернул голову к двери. Там, словно соткавшись из вечернего тумана, возник человек в ветхой монашеской рясе. За плечами незнакомца сияли очертания огромных белых крыльев – но через мгновение они растаяли. Его светлые, не то пепельные, не то седые волосы мягко обрамляли лицо с высоким лбом и фиалковыми глазами. Гость безмятежно окунул взглядом хозяина, медленно поднявшегося ему навстречу.

– Вот и вы, Рафаил. – Они на мгновение замерли друг напротив друга, но ни рукопожатия, ни кивка, ни объятия не последовало. Повинуясь приглашающему жесту Эфронимуса, прибывший опустился на малахитовую скамью. В позах и жестах гостя и хозяина не было явной враждебности, но и симпатии не замечалось ни малейшей. – Ну, что, начнём? Я собрал всех. В Меровинге. Их тринадцать. Впрочем, вы и сами знаете.

Гость его, в своей старой рясе казавшийся монахом-анахоретом, устало пожал плечами.

– Не понимаю вас, Эфронимус, – голос Рафаила был тихим и незлобивым. – Спасать людские души демону смерти несвойственно, а чтобы уничтожить этих несчастных, вам нет нужды собирать их вместе. Чего вы хотите? Позабавиться? И почему непременно в Меровинге?

– Их число за века уменьшилось, вы заметили, да? – словно не слыша, спросил Эфронимус. Рафаил молча кивнул. – В веках я внимательно наблюдал за отмеченными моей печатью. Скажу прямо, народец оказался хилый. Сколько их поумирало в детстве, сколькие не давали потомства, кончали с собой, сходили с ума! Но эта чёртова дюжина, вы сами понимаете, поросль особая: последыши, появившиеся на скрещениях проклятых родов, о чём я позаботился. Их отцы и матери – слуги сатаны и демонопоклонники, колдуны и маги, чернокниж-

ники и некроманты. Детишки – истинные выродки! Их демоническая мощь огромна. Вместе они могли бы...

Эфронимус прервал мягкий, негромкий смех Рафаила. Тот откинулся в кресле и смеялся, покачивая головой. Его белокурые волосы рассыпались по плечам, и Рафаил привычным жестом отбросил их за спину.

– Не смешите, Эфронимус, – он всё еще улыбался. – Сила дьявола была бы непомерна, обладай его адепты умением смирять гордыню и ладить между собой. Но, смирившись – хотя бы друг перед другом, они уже не будут адептами дьявола. Они не объединимы. В принципе.

Эфронимус не оспорил его суждение.

– Да, они попытаются перегрызть друг другу глотки. Но ведь будут и другие варианты.

– Безусловно, но чего вы добиваетесь?

– Помните ведьму из Шаду, Рафаил? – Эфронимус наклонился к Рафаилу, но тут же отпрянул от исходящего от него запаха ладана. – Вы говорили тогда о милосердии Божьем к падшим,помните? – Рафаил снова молча кивнул. – Ни вы, ни я не распоряжаемся Его милосердием, но вы сказали о безграничности его. Оно распространяется и на этих мерзавцев, не правда ли?

Рафаил ещё раз несколько утомлённо кивнул. Да, конечно. Эфронимус с насмешкой взглянул на него. Голос его, глубокий и резкий, звучал под сводами кельи как вороний грай.

– Я замечал, кстати, что вы не оставляли их без внимания. Стоило мне осиротить одного, чтобы препроводить его в приют...

– ...к вашему негодяю и растлителю Ленажу... – кивая, подхватил Рафаил.

– Да-да... как вы утянули его у меня из-под носа к своему упрямому и тупому ортодоксу Максимилиану. Как будто это что-то решало! И, заметьте, дорогой Рафаил, – неожиданно ухмыльнулся Эфронимус, – народец-то пообещал. Как припомню ваших Бонавентуру, Аквино, Алигьери, Империали! Я не люблю людей, но эти подлинно были Люди, приходится признать. Нынешняя же поросль ничтожна. Просто ничтожна. Однако вы пытаетесь бороться и за неё. Я замечал, вы не сидели сложа руки и, едва я проявлял заботу о ком-нибудь из наших нынешних подопечных, норовили вмешаться.

– Если о них «проявляли заботу» вы, то почему этого не должен был делать я? – кротко возразил его собеседник.

– Так вот, – снова, словно не рассышав, продолжал Эфронимус, – каждый из них обладает особым чёрным даром, свойственным только ему. На каждом из них – печать дьявола, и с каждым из них, как вы утверждаете, милость Божья. И каждый – свободен, ну, то есть, он человек, – презрительно усмехнулся Эфронимус. – Разве не великолепное развлечение – наблюдать за ними? Вмешиваться не будем, однако проследить, так сказать, выследить глубину... Вы же третий в иерархии архангельской, как я понимаю? Или второй? Ваш ранг позволяет это?

Рафаил вздохнул, пожал плечами и промолчал.

– Заключим пари? – продолжил Эфронимус, – я ставлю на то, что все они – погибшие души.

Рафаил покачал головой и улыбнулся.

– Каждый свободен спастиесь.

– Вы в этом уверены? – глаза демона смерти блеснули.

– Уверенность – это по вашей части, Эфронимус.

Часть 1

СЕНТЯБРЬСКОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Глава 1

Замок Меровинг. Чертова дюжина

*При виде сети стрельчатых окон
Душой я как бы к небу вознесён.*

– И. В. Гёте, «Фауст»

Эммануэль Ригель не знал своего происхождения. Ребенком он смутно запомнил громыхающую повозку, старуху, утешающую гладящую его по плечу и что-то настойчиво и бормочущую на языке, которого он не понимал. Потом был маленький домик на юге Франции, в Буш-дю-Роне, неподалеку от Марселя, а спустя ещё год, когда он едва-едва стал понимать французский – в памяти мелькали разверстая могила и седовласый священник, что-то нараспев скорбно читающий на ещё одном непонятном ему языке.

Именно он, аббат Максимилиан, сжался над ним, семилетним, и поселил сироту после смерти его бабки у себя в доме при церкви. Поддавшись первому порыву жалости к перепуганному ребёнку, священник наутро сам испугался последствий столь необдуманного шага. Что он наделал? Он стар, а мальчишка может оказаться неуправляемым.

Однако первая неделя пребывания малыша Ману в доме не подтвердила опасений аббата. Мальчик отличался кротким нравом, чистым сердцем и удивительной тягой ко всему таинственному и запредельному. Изумившись этой склонности своего питомца, аббат всё же сумел направить её к тому единственному запредельному, которому служил сам. При этом преподав малышу евангельские истины, он не затруднял юного Ригеля их повторением, но его ежедневные жертвенные труды для паства учили Эммануэля лучше всяких слов. Мальчик министрировал на мессах, вёл приходские книги, легко научился играть на скрипке и веселил старика вечерами старинными мелодиями.

Теперь аббат уже не понимал, как раньше обходился без него.

При этом священник, занятый делами прихода и молитвенными бдениями, не обратил особого внимания на одно незначительное, но весьма диковинное обстоятельство. Его старый облезлый кот Корасон, давно уже переставший ловить мышей и часами без движения лежавший на солнцепёке, с появлением в доме малыша Эммануэля неожиданно залоснился блестящей полосатой щёрсткой, засверкал зазеленевшими глазами и вновь стал грозой всех церковных крыс. Кухарка священника ничего не понимала. Ведь кот появился в доме в тот самый год, когда женился её старший сын, а было это, без малого, восемнадцать лет назад.

Чудеса...

В год своего семнадцатилетия Эммануэль неожиданно получил письмо, уведомлявшее, что он зачислен на первый курс университета Меровинг, и его обучение полностью оплачено. Аббат был изумлён – учёба в Меровинге стоила баснословно дорого. Кто и когда записал его приёмного сына туда, где обучаются только отпрыски аристократических родов и дети нуворишей? Кто оплатил обучение? К несчастью, он не успел расспросить покойную бабку Ману о его родне, но, как бы то ни было, письмо решало многие проблемы. Аббат перестал молить Господа о продлении своих дней, ибо будущее юноши было определено. Смерть отца Максимилиана стала для юного Эммануэля первой до конца прочувствованной и весьма болезненной утратой. Он потерял отца.

В Меровинг он приехал первым, ибо не хотел оставаться в опустевшем доме, и искренне подивился великолепию замка, полностью разделив удивление отца Максимилиана. Как мог он, сирота, оказаться в подобном месте? Бойницы старого донжона напоминали о былых рыцарских сражениях и осадах, высокие готические окна устремлялись в небеса перекрытиями арок, а увитые диким виноградом выступы крохотных балкончиков пленяли причудливостью барокко. Меровинг столь часто перестраивался, что архитектурные фантазии веков, насложившихся друг на друга, сообщили ему вид Венсенского замка, оплетённого алансонскими кружевами.

Вскоре на брусчатке внутреннего двора послышались стук копыт и скрип рессор. В ворота въезжали кареты и ландо, и Ригель мысленно сжался, заметив дорогие кованые сундуки на запятках и обилюе слуг в алых и синих ливреях. Тут на массивном мраморном лестничном пролёте появился высокий худой брюнет лет сорока, в лице которого при желании можно было найти сходство как с Эразмом Роттердамским, так и с Джироламо Савонаролой. Он легко, совсем по-юношески, сбежал по ступеням и приблизился к группе молодых людей и девушек, только что покинувших экипажи и толпящихся у Конюшенного двора. Подошедшего разглядывали несколько испуганно, морщась ещё и от его необычного голоса, грудного, глубокого, сильно резонирующего под сводами портала.

— Я — Эфраим Вил, ваш куратор, господа. Я запишу ваши имена и провожу в комнаты.

Эммануэль, записавшись первым, внимательно разглядывал прибывающих, и не мог не выделись среди девушек белокурую красавицу-итальянку, называвшуюся Эстеллой ди Фьеоле. Но, заметив, что девица тоже смотрит на него, поспешил, смущившись, отвести глаза, ибо несколько боялся женщин.

Тут к куратору подошли двое англичан — юноша и девушка, с явно выраженным фамильным и пугающим сходством. И лица не обманули: приехавшие оказались братом и сестрой. Куратор записал их имена «Бенедикт и Хелла Митгарт». Девица прошла вблизи Эммануэля, и он, взглянувшись в неё, почувствовал, как заледенел. Корякий бесформенный нос Хеллы Митгарт уныло нависал над корытообразным квадратным ртом, а по обе стороны от носа были близко посажены маленькие глаза, причём один был на треть дюйма ниже другого! Ригель поёжился. Девица была наделена столь завораживающим уродством, что внушала не отвращение и не жалость, а суеверный ужас.

Но вскоре тяжёлое впечатление от уродства несчастной девушки перебил приехавший в дорогом экипаже француз. Стоявшие поодаль молодые бурши презрительно зашептали, что этаких красавчиков у них зовут «сахарными леденцами», а Эммануэлю белокурый голубоглазый юноша показался ангелоподобным. Ригель подошёл ближе и услышал, что красавца зовут Морисом де Невером. Имя ему тоже понравилось и сразу запомнилось.

Остальных он как-то не выделил из толпы, да и стыдился разглядывать, однако тут из кареты, запряжённой четверней, приехавшей, тем не менее, позже всех остальных, вышли рыжеволосая зеленоглазая наяда в весьма пикантном платье, вырез которого вызвал двусмысленный шёпоток среди молодых людей, и невысокий большеглазый юноша с чертами, выдававшими еврейское происхождение. Девица бросала на юношу странные взгляды, раздражённые и пренебрежительные, он же явно не хотел замечать их и даже не потрудился подать девушке руку, когда та покидала экипаж. В блокноте куратора появились два последних имени — «Лили фон Нирак и Гилль Хамал». Ригель отметил, как при взгляде на молодого иудея презрительно выпятилась нижняя губа молодого атлетически сложенного немца-бурша, уподобляя его представителям габсбургской династии, сам же Эммануэль обратил почему-то внимание на то, что сукно фрака Хамала — запредельно дорогое, а пошив — просто бесподобен.

Между тем, записав всех приехавших и педантично пересчитав все тринадцать имён, Эфраим Вил коротко сообщил, что первокурсникам гуманитарного факультета Меровинга по традиции жить предстоит в Северном крыле замка. Через год они будут переведены в цен-

тральное здание, к студентам старших курсов. Голос куратора прозвучал под стрельчатыми сводами очень отчётливо и как-то зловеще, словно в предутренней тишине каркал ворон. Некоторым показалось, что вдруг стало холоднее, но они приписали это впечатление кто – морскому бризу, а кто – извечной сырости старых замков. Напоследок Вил ещё раз высокомерно оглядел собравшихся, и мрачно, словно через силу, изрёк, что Меровинг – частное, аристократическое и весьма привилегированное учебное заведение, о чём им всем надлежит помнить.

Столпившиеся студенты исподлобья рассматривали друг друга, чувствовали себя неловко и торопили слуг поскорее разместиться в комнатах. Никто никого не запомнил, лишь юноши восторженно оглядывали белокурую итальянку, хорошенькую, как картинка, да девушки искося бросали осторожные взгляды на красавца Мориса де Невера.

Впрочем, на него был устремлены не только женские взоры. Бледный полноватый блондин, кажется, немец, о лице которого нечего было сказать, ибо если оно чем и выделялось, то именно безликостью, тоже, как заметил Ригель, заворожено пожирал глазами безукоризненную красоту молодого француза. В свою очередь, на самом толстом немце неожиданно остановился взгляд большеглазого Хамала. Продолжалось это несколько минут, после чего лицо еврея вдруг исказила лёгкая гримаса брезгливого отвращения. Ригель не понял эту пантомиму, но на сердце его почему-то потяжелело.

Хамал же, гадливо передёрнув плечами, поднял свой небольшой саквояж кордовской кожи, что-то сказал кучеру, из чего Эммануэль понял, что запряжённый четверней экипаж принадлежал именно Хамалу, потом высокомерно кивнул слугам, нёсшим сундуки, и, не оглядываясь, двинулся вверх по лестнице в Северное крыло.

За Хамалом последовала Хелла Митгарт, светловолосая англичанка, чьё уродство столь заворожило Эммануэля. Её сундук занёс в замок брат, грубоватый увалень с топорным лицом. Один из буршей решил было помочь рыжеволосой Лили фон Нирак, но она предпочла опереться на руку того, кто с таким презрением смотрел на Хамала, и мелодично затараторила по-немецки, что у неё родня в Австрии, ведь он оттуда, не правда ли? Он Август фон Мормо, да? Кажется, его дядя, Адольф фон Мормо, если ей не изменяет память, был министром юстиции? Бурш кивнул и, запустив глаза в декольте фрейлийн Лили, похотливо улыбнулся.

В итоге девицы устроились в просторном зале на третьем этаже. Итальянка Эстелла ди Фьезоле оказалась вместе с англичанкой Сибил Утгарт и немкой Лили фон Нирак в больших апартаментах, где у каждой из девиц была своя спальня. Две другие англичанки, Эрна Патолс и Хелла Митгарт, поселились отдельно – каждая в разных концах коридора, – в уютных номерах с одной спальней и небольшой гостиной.

Молодым людям коридорный показал их комнаты на втором этаже – первого и второго класса. Наиболее состоятельные из студентов – ими оказались немцы Фенриц фон Нергал и Август фон Мормо, швейцарец Сиррах Риммон и француз Морис де Невер – расположились в апартаментах, выходящих окнами на побережье, состоящих из гостиной и двух спален, одну из которых обычно делали кабинетом. Испанец Ригель, англичанин Бенедикт Митгарт и тот толстяк, что восторженно оглядывал де Невера, оказавшийся уроженцем Вены Генрихом Виллигутом, поселились в номерах поскромнее, в которых были только спальня и гостиная. Такой же выбор сделал и Гиллель Хамал, предпочтя небольшую угловую комнату в два окна с видом на приморские скалы. Он не любил море.

* * *

После расселения все студенты предпочли уединиться в своих комнатах: расставляли сундуки и распаковывали вещи. И не удивительно, что никто из прибывших не видел, как на крохотном балкончике третьего этажа, возле кабинета декана, появились две тёмные фигуры, тонувшие в наступающих сумерках. В одном из них легко узнавался куратор гуманитарного

факультета Эфраим Вил. Его голос звучал сейчас излишне манерно, даже жеманно, он явно паясничал.

– Не знаю как вам, Рафаил, а мне они не понравились, – заявил он напрямик. – Дурная эпоха стандартных фраков и сюртуков, одинаковых шейных платков и ботинок – как это нивелирует, как убивает личностное начало, не правда ли? Все неразличимо похожи, натура загнана в шаблон, в трафарет! Признаюсь, мне были по душе времена медичайские, борджиевские, фарнезийские – вот где человек раскрывался-то! Помните Ферранте Неаполитанского? Титан! Пировал с мумиями своих собственноручно засоленных врагов в склепе под замком, напевая дивные ариозо!

Собеседник куратора кивнул, подтверждая сказанное, но не согласился с фиглярствующим Вилом.

– Ну, пел-то, положим, плохо, Эфронимус. Ни слуха, ни голоса.

Нос куратора сморщился.

– Не придирайтесь к мелочам, Рафаил. Это были гиганты мерзости, исполины страсти! А что ныне? Впрочем, может, я утрирую? Это просто горечь завышенных ожиданий, сам виноват. Я ждал большего. Этот, читающий мысли, ох… бедняжка. Он трусоват и когда осмотрится, хо-хо-хо, – куратор хохотнул, не договорив, – а вот вампир и вервольф просто душки. И девочки недурны! Истинные ведьмы. А ваш выкормыш, признаюсь, совсем серенький. Боюсь, когда упырь с волкодлаком развернется – ему несдобровать.

– Ждать от них добра было бы непростительной наивностью, Эфронимус, – миролюбиво согласился Рафаил.

В расплывшихся тучах появился месяц и жёлтой лимонной долькой завис над замком. Внизу в траве звенели цикады, а воздух поминутно разрезали шуршащие крылья и острый писк нетопырей.

Куратор усмехнулся.

– Так сколько отведём на партию? К декабрю управимся? Или потянем до весны? Ведь погост романтичней в дни цветения жасмина… Если честно, самому торопиться не хочется – ребятишки всё же забавны.

– Вы правы, Эфронимус, – тон Рафаила не изменился, – не будем торопиться.

* * *

Меровинг и вправду оказался весьма элитарным заведением, преобразованным полвека назад в университет из иезуитского колледжа. На четырёх его факультетах обучалось менее ста человек, и огромный замок всегда выглядел безлюдным. Студенты первого курса занимали два этажа в Северном корпусе, отгороженном от остальных корпусов Конюшенным двором и бронзовой оградой с литым гербом древней королевской фамилии.

Первые, не очень-то приятные впечатления Эммануэля от Меровинга сменились вдруг щемящим томлением потаённой радости, когда он, помогая вносить сундуки в спальню, подняв глаза, встретился взглядом с Сибил Утгарт, бледной миловидной англичанкой, которую он не заметил внизу. Она проронила: «Благодарю» и отвернулась. Мягкая и строгая красота девушки заворожила и околдовала его.

Но последующие дни ничем не порадовали: на факультете Ригель сразу пришёлся не ко двору. Он не мог назвать никого из своих титулованных предков, а здесь, среди отпрысков знатных фамилий, это было равносильно колотушке прокажённого. Он отдалился от всех и старался держаться в тени, но и это не помогало. Его сокурсники-аристократы избрали его, Генриха Виллигута и еврея Гиллея Хамала мишенью для постоянных насмешек, однако Виллигуту удалось быстро заручиться покровительством куратора, Хамалу – декана, и лишь Эммануэль был беззащитен.

В тот вечер Ригель после занятий стоял в замковой нише, кутаясь в свою ветхую мантию, и думал о Сибил. Грубый окрик вывел его из задумчивости. Мормо и Нергал. За их спинами маячил Сиррах Риммон. Ригель заметил, что они, как на подбор grenadierского роста и сложения, как-то очень быстро сошлись и стали друзьями.

«Эй, замарашка, опять витаешь в облаках?» Эммануэль почувствовал сильный толчок в плечо. Он понимал своё бессилие. Нергал был силён, как медведь, а вместе с Мормо и Риммоном мог просто забить его до смерти. Любая попытка защититься только озлобляла и разжигала их, и стоя под градом ударов в разорванной мантии, он больше всего боялся, как бы случайно не появилась Сибил. От резкого удара по лицу, задевшего висок, в его глазах потемнело. Он медленно сполз по стене вниз.

…Очнулся Эммануэль в ванной. Чья-то рука осторожно тёрла его плечи, стараясь не задевать ссадины. Вскинув голову, отчего всё тело пронзила резкая боль, он онемел. Над ним склонился Морис де Невер, *«arbiter elegantiarum»*, законодатель мод факультета, неизменный любимец профессоров и кумир девиц. Ригель иногда на лекциях любовался его безупречной красотой, но за всё время учёбы – уже две недели – не перемолвился с ним ни словом.

– Можешь сам подняться? – Невер снял с вешалки огромное полотенце.

– Да, конечно, – стараясь, чтобы лицо не перекосило болью, Эммануэль осторожно ухватился за края ванной и встал. Морис накинул на его плечи полотенце и, легко приподняв, словно ростовую куклу, опустил на пол, подал тапки и медленно повёл к себе.

В его гостиной полыхал камин, было тепло и уютно.

– Ты извини, но тебе придётся надеть это. Твоя одежда изорвана в клочья, – Невер протянул Ригелю белую шёлковую рубашку, чёрные панталоны, сюртук и бархатную мантию, отороченную мягким мехом лесной куницы.

Таких вещей у Эммануэля не было отродясь.

– Но я… Я не могу… – он совсем растерялся.

– Не можешь ты – ходить голым по замку. – Морис улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. Его мягкий баритон был ласков и мелодичен. – Ты шокируешь дам и подорвёшь в Меровинге устои нравственности. И не трудись возвращать мне это, слышишь? Одевайся, – Невер поднялся и, чтобы не смущать Эммануэля, подбросил в камин несколько сосновых поленьев и принялся ворошить их кочергой.

Эммануэль, преодолев оцепенение, начал лихорадочно натягивать на себя одежду, с третьего раза попадая в рукава. Ему казалось, что эти дорогие вещи сделают его смешным, но выбора-то и вправду, не было. Торопливо одевшись, он набросил на плечи гаун, ибо, пока они миновали коридор, успел замёрзнуть.

Бросив мельком взгляд в зеркало, подивился: он выглядел не смешно, а стал похож на молодого Игнатия Лойолу.

Обернувшись к нему, замер в немом изумлении Невер. Произошло что-то необыкновенное. Роскошный бархат мантии сразу подчеркнул рафинированную хрупкость и аристократичность юноши, белое кружево манжет обрисовало удивительную утончённость его бледных пальцев, проступил и абрис патрицианского лица, вырезанного с классической строгостью. Эммануэль напомнил Морису эль-грековских идальго.

Невер любил и умел нравиться, но сейчас сам ощутил прилив тёплой симпатии к этому странному существу со лбом философа и экстатическими глазами святого. Ему понравились его смиренная кротость, застенчивость и благородная сдержанность.

Вечером, после лекций, Морис навестил Эммануэля, и беседа о поэзии неожиданно увлекла обоих, обнаружив общность их вкусов. Им обоим нравился Готье и казался неприемлемым Бодлер, Морис восхищался Рембо, и Эммануэль, хоть и полагал, что некоторые его стихи безнравственны, не мог не отдать должного его завораживающему таланту. Кое в чём их оценки разнились, но сопоставление суждений было для обоих не менее занимательным.

Невера заинтересовала глубина и странная для него ортодоксальность суждений его нового друга, а Ригелю, вообще не привыкшему к дружескому вниманию, очень импонировала явная симпатия человека, привлекавшего к себе всеобщее внимание. Ему казалось непостижимой причина такого интереса к себе.

Вскоре они сблизились настолько, что стали неразлучны.

При этом Ригель не знал – и никогда не узнал – о встрече его нового друга с господами Нергалом и Мормо, имевшей место на следующий вечер после того, как Морис нашёл Эммануэля в галерее без чувств. Никогда об этом никому не рассказывали и Фенриц с Августом. Только переглядывались, пожимая плечами.

Мсье де Невер тоном удручающее спокойным и даже несколько скучающим заметил господам, что он будет весьма огорчён, если они ещё раз позволят себе задеть Ригеля. Неприятнейшая в этом случае выйдет история. Фенриц Нергал, рослый бурш с желтоватыми глазами и пепельной вихрастой шевелюрой, и Август фон Мормо, с наглым выражением умного лица и чёрным родимым пятном возле алого рта, переглянулись. Дерзость француза была слишком необычной, чтобы не насторожить их. Желая сохранить лицо, Мормо заметил Морису, что их несколько изумляет подобная наглость.

Мсье де Невер высказал надежду, что ему не придётся демонстрировать господам своё фамильное оружие. Немцы переглянулись вторично. Нергал оторопел. Этот франт мнит, что он справится с ними обоими? Мормо же внимательно посмотрел в глаза французу. Что-то изумило его. Подобное мужество завораживало и настораживало, заставляя предполагать, что перед ними либо безумный, либо...

Тут мысли обоих остановились, и они переглянулись в третий раз. Оба пожали плечами, и с тех пор Ригеля остали в покое, а Нергал к тому же ещё и откровенно заинтересовался Морисом.

Почему? Объяснить это непросто, но если у читателя хватило терпения дочитать эту главу, его терпение будет вознаграждено, и он узнает о некоторых странностях, с ранней юности присущих двум студентам Меровинга, выходцам из Германии, а это, в свою очередь, разъяснит, почему немцы, несмотря на нрав истых бурш, не подняли перчатку, брошенную французом.

Глава 2

Судьбы проклятых

«Будь самим собой» – самое худшее, что можно посоветовать некоторым людям.
– Том Массон

В пятнадцать лет от роду Фенриц фон Нергал стал наследником состояния предков в Аппенцелле, близ Херизау, и в короткий срок успел обрюхатить всех служанок в своём поместье, не пропустив ни одной смазливой садовницы и кухарки. Любовные шашни занимали все его время.

Но пару лет спустя ему это надоело. Теперь он чаще просиживал ночи напролёт среди пыльных фолиантов отцовской библиотеки. Новый чарующий мир открылся ему, мир колдовства и магии, мир, в котором проявлялась удивительная система соотношений, где всё восхитительно перекликалось, отображая в своём устройстве гармонию космоса. Загадочная герметическая философия – «что вверху, то и внизу» – заворожила его. Фенриц упивался уподоблениями и переживал видения как реальность, сублимировал ферменты, соли и щёлочки, киноварь и сулему, смешивал ртуть с металлами и искал опус магnum.

Убогий утилитаризм – мыслить, что истинно только то, что доказуемо. Его увлекало погружение в полуночные мнимости, в те лабиринты чёрных искусств, откуда нет, и не может быть выхода. Поиск знаний, заключённых в символах, непостижимых для профанов, привёл его к тому, кто являлся Князем этого мира, и Нергал постепенно втянулся в тёмные дьявольские ритуалы. Но упражняясь в мистических искусствах, он не достигал искомого и, промучившись в бесплодных поисках несколько лет, был близок к отчаянию.

Но вот однажды, злобно беснуясь от очередной неудачи, Нергал ошибся в путаном заклинании. Из пыльного венецианского зеркала на него взглянуло его собственное искажённое лицо, внезапно принявшее облик его отца, затем промелькнуло нечто неясное, туманно мутящее в серую волчью морду. Он помертвел и резко встряхнул головой. Зеркало лениво отразило его перепуганную физиономию.

Он растерялся. Что это было, чёрт возьми?

Произнесённого заклинания Фенриц не помнил. Упустить такое! Подумав, сколь много мог бы извлечь из этого облика, Нергал почувствовал, как на него стремительно накатывает новая волна бешеної злости. В отчаянии он попытался снова произнести формулу – скорее по памяти, нежели по истёртой странице пыльного трухлявого фолианта.

И мутация послушно повторилась! Его руки и ноги превратились в серые лапы, скребущие когтями по дощатому полу, глаза загорелись жёлтым огнём, в зеркально поверхности отразился огромный бурый волк, ростом почти с телёнка. Разума Нергал не утратил, и без труда вернул себе первоначальный облик, повторив заклинание про себя в обратном порядке слов. Это было нечто до такой степени странное, что Фенриц отказался от всяких попыток объяснить себе произошедшую трансмутацию, но формулу заклятия торопливо нацарапал гвоздём на камне стены. Впрочем – в этом, как оказалось, не было никакой нужды, ибо она мгновенно огненным клеймом намертво впечаталась в его память.

Но, увы: не все опыты удавались. Фенриц был умён и упорен, и вскоре понял, что возможность превращения таится где-то в пределах нескольких дней: мутации удавались только при полной луне, в остальное время он был бессилен. Но и имеющееся было недурно.

Он использовал обнаруженный дар только однажды – убив егеря своего соседа, неосторожно отправившегося поохотиться в полнолуние. Испытанный при этом восторг от своей безнаказанности, упоение дьявольской мощью и вкус крови опьянили его. Все постельные удо-

вольствия и похотливые бордельные похождения не шли ни в какое сравнение с этим новым наслаждением! Пусть лишь однажды в месяц, но зато со смаком!

…Прибыв в Меровинг, Фенриц неожиданно обрёл понимающего собеседника в лице Августа фон Мормо, наследника старого австрийского аристократического рода, поселившегося рядом с ним в роскошных апартаментах.

Мормо обладал приятными чертами лица, несколько испорченными родимым пятном на скуле, а так ничем особенным не выделялся. Разве что с детства его отличали странные приступы отчаяния, настигавшие беднягу без всякого внешнего повода. Необъяснимое томительное беспокойство годами снедало его, становясь особенно нестерпимым в полнолуние. Осознал Август себя в полноте абсолютно случайно, наткнувшись в подвале своего замка в штабеле снятых со стен старых картин на полотно, изображавшее девушку, умиравшую от укуса вампира. Мормо вздрогнул, ощущив ледяной ток крови в своих жилах.

У вампира было его лицо.

С того времени Мормо стал ровнее и спокойнее, полюбил сырость затхлых подземелей, куда слугам доступ был заканян, и никто, кроме него, не знал тайн этих склепов, где временами раздавались леденящие души челяди звуки. Впрочем, и челяди-то становилось с каждым годом всё меньше. Сам Мормо с каждой новой жертвой телесно ощущал в себе всё умножающуюся мощь – силу мышц, силу своего воздействия на окружающих, силу возможностей углубившегося ума. Столь же быстро, но менее ощутимо, менялись его вкусы, грубели ощущения. Жуир и циник, он становился колдуном-мизантропом. Теперь толькоискажённое и извращённое восхищало его. Он стремился к немыслимому и желал невообразимого. Естественные раздражители перестали возбуждать его. Август жаждал познания сокровенных тайн природы и всеобщего преклонения, власти над миром и бессмертия.

Нергала он выделил из массы сокурсников сразу – и интуитивным чутьём, и осмысленным влечением к себе подобному. И не ошибся. Нергал ничуть не обманул его ожиданий, а в чем-то даже и превзошёл их. Сходство натур и единство устремлений мгновенно породили понимание, понимание же вызвало симпатию.

Фенриц со знанием дела рассказал Августу об изученных им магических заклинаниях, оставшихся ещё от деда.

– Милком Нергал был признанным авторитетом в своей области, – внимательно выслушав, с любезной улыбкой проронил Мормо.

Коротко, но основательно Фенриц поведал и о своём интересе к сатанинским службам, проводимым аббатом Ботру, не скрыл и своей склонности к инфернальным учениям. В ответ Мормо продекларировал глубокое уважение – как к демоническим ритуалам Ботру, так и люциферианской церкви, не вдаваясь в мелкие демонологические частности и второстепенные литургические формальности. Великий принцип – «что вверху, то и внизу» – вот основа понимания истины. «Он встретил единомышленника и весьма рад этому», с улыбкой отметил он в заключение беседы.

Этикет этикетом, но от Нергала не укрылся ни цвет губ Мормо, ни странности строения его зубов и ногтей. В свою очередь, Мормо отметил потаённый жёлтый цвет глаз и необычную форму ушей своего собеседника, и сделал из этого выводы, весьма недалёкие от истины. Но причём тут внешность? Ведь главное-то – душа!

Вампир и оборотень понравились друг другу.

Через несколько дней они прониклись полным взаимным доверием, и Нергал узнал о несколько странном рационе питания его нового товарища. Шокирован не был: Фенриц тоже любил кровь, хотя его меню было куда разнообразней и богаче: он и от свеженького мясца никогда не отказывался. Мормо деликатно пожаловался на сложности: пытаться полакомиться в Меровинге – безумие, здесь торчать ещё три года. Но три года поститься? Нергал успокоил

друга – ворота замка никто не закрывает. Он будет охотиться – и если Август согласится разделить с ним трапезу...

Мормо блеснул зелёными глазами. Предложение господина Фенрица фон Нергала говорило о благородстве и щедрости натуры, и его можно было только принять – с восторгом и благодарностью.

* * *

Теперь читателю должна стать понятной осторожность господ Нергала и Мормо в отношении месье Мориса де Невера. Нергал, когда Невер фактически бросил им вызов, задумался – и прочёл ту же задумчивость в глазах Мормо. Может ли человек обладать столь безрассудной смелостью? Храбрость француза граничила с идиотизмом, но никаких признаков ненормальности Морис де Невер не обнаруживал, был неизменно спокоен, мягок с сокурсниками и галантен с девицами. Стало быть...

Этот вывод Фенриц с Мормо сделали одновременно. Стало быть, красавчик имеет нечто, дающее ему основание дерзить. Но что он может? Глупо было нарваться на неизвестность.

Однако для Фенрица вскоре кое-что неожиданно прояснилось – пусть и не до конца. Дело в том, что оставшиеся до полнолуния дни, когда оба намеревались основательно разговеться, дружки-бурши коротали в небольшом борделе в городишке Шаду, неподалёку от Меровинга.

Блудный дом располагался в полуподвальном помещении, имевшем вход через небольшой бильярдный зал обычного с виду кафешантана под названием «Три фазана». Клиентов здесь знали в лицо, новый посетитель мог войти в общий список лишь по рекомендации члена клуба. Названия у него не было, и потому в ходу были простое наименование «Клуб» или эвфемизм «Фазаны».

Нергал и Мормо почти сразу по прибытии в Меровинг прошли туда по представлению одного из самых известных и весьма пожилых распутников городка, в последнее время переставшего появляться в борделе из-за странной, как утверждали некоторые злопыхатели, «сифилитической гундосости». Клеветники! Надо полагать, просто простудился старичок. За Нергалом и Мормо, спустя неделю после приезда, стали приходить Риммон и Хамал. По приглашению Мормо был и Митгарт.

Заходил и Морис де Невер. Последний, как считал Нергал, неизменно портил весь отдых. Для бордельных барышень он всегда был самым дорогим и желанным гостем, они сбегались толпой и, словно заворожённые, пялились на него, как на диковинку, напрочь забывая обо всех остальных. Нергал морщился и скрипал зубами. Чёртов селадон...

Однако попытка поставить на место красавца, уже поразившего Фенрица противовесственной для разумного человека дерзостью, не имела успеха. Налетев на него, будучи несколько «подшофе», в полуутёмном коридоре притона с кулаками, Нергал оказался с невероятной силой отброшенным к стене и, не устояв на ногах, свалился на грязный пол. Вторая попытка закончилась ещё плачевней. Фенриц отлетел к лестнице и, не удержавшись на ступеньках, упал вниз, разбив голову в кровь. Кто бы мог подумать, что этот херувимчик столь силён? Нергал ринулся на него в ярости в третий раз – так бросается волк к глотке жертвы. И тут из глаз Нергала посыпались искры – ему показалось, что он ударился головой о каменную стену.

Что происходит, чёрт возьми? Фенриц недоумевал до такой степени, что перестал и злиться.

По счастью, вскоре все изменилось. Невер стал появляться у «Фазанов» всё реже, а, забежав, торопливо расплачивался, лихорадочно сутился, выбирал, не глядя, первую попавшуюся, потом исчезал. Перестал заходить и Риммон. Что касалось молодого еврея Хамала, то он постепенно тоже становился всё более редким гостем, утверждая, что местные гетеры воняют. При

этом почему-то опускал глаза и бледнел. Нергал заметил, что и мадам Бове, бандерша, хозяйка притона, умолкала и переставала раскланиваться с посетителями, когда замечала среди них Гиллеля Хамала, и, наконец, в приватной беседе, подслушанной Фенрицем, попросила его... более её заведение не посещать. Лицо Хамала передёрнулось судорогой, но больше он у «Фазанов» не появлялся.

Девицы волей-неволей начали уделять Фенрицу больше внимания. Довольный этим, Нергал стал галантнее и щедрее и даже иногда, по просьбе барышень, залихватски барабанил по клавишам простуженного пианино, горланя арии из «Травиаты». Как считала мадам Бове, очень даже неплохо.

В этой песне – глубокая правда,
Её не принять невозмо-о-жно.
Знай, что все в этом мире ничто-о-жно,
А важно веселье одно!
Лови же счастья миг златой,
Его тяжка утрата,
Промчатся без возврата
Дни жизни молодой.
Любовь не век в душе живёт,
Года не в нашей воле,
Цветок, поблекший в поле,
Опять не зацветёт-о-от! —

на этом месте темперамент всегда захлёстывал певца, и он, по мнению Клотильды Бове, демонстрировал невероятную красоту и пластичность вокализации вкупе с удивительным изяществом и виртуозным блеском исполнения, – о чём она неизменно с восторгом ему сообщала.

Между тем, девочки немного пискляво, но очень звонко и дружно подхватывали:

Ловите ж, ловите ж минуты веселья,
пока их жизнь даёт,
ах!

* * *

Бордельные услады при этом никогда не туманили голову господина фон Нергала, и потому весьма скоро он занялся тем, что увлекало его, решив начать практиковать вместе с дружком Мормо в Меровинге высокие катаринские ритуалы. Эта блестящая идея давала Фенрицу возможность собрать узкий круг единомышленников, кроме того позволяла разобраться в том, что было для него и Мормо загадкой.

Красавец Морис. Встреча в коридоре борделя прибавила Фенрицу пищи для размышлений и породила новые недоумения. Следствием этих недоумений была новая встреча с Морисом де Невером в портале у библиотеки.

После баталии в лупанаре сам Морис делал все, чтобы даже случайно не столкнуться с Нергалом, такое отвращение он в нём вызывал, однако нынешняя встреча в тёмном холле Меровинга, возле книгохранилища, была неслучайной: Фенриц явно поджидал его. Нергал не стал тянуть кота за хвост и пригласил Невера принять участие в неких тайных ритуалах, которые он почему-то называл «тамплиерскими», отличавшихся, насколько понял Морис, не столько сокровенной исторической достоверностью, сколько откровенной разнузданностью.

На первый взгляд, предложение Фенрица звучало заманчиво, но физиономия Нергала была остро неприятна Морису, а, вспомнив, что тот сделал с Эммануэлем, Морис и вовсе почувствовал прилив злого раздражения. Он не хотел ни видеть этого типа, ни знать его. Между тем, не дожидаясь его ответа, Фенриц вложил ему в руки книгу с описанием практикуемых церемоний, заметив на прощание, что они, подлинные патриции, люди голубой крови, должны отличаться от плебеев высотой духа и пренебрежением к общепринятой морали, откланялся.

Морис долго смотрел ему вслед. Из задумчивости его вывела неожиданно появившаяся в портале Эстелла ди Фьеэзоле, которую все очень скоро стали называть просто Эстель. Луч сентябрьского солнца играл прядями её белокурых волос, окрашивая их в удивительный золотисто-розовый цвет. Заглянув в вырез её платья, Невер глубоко вздохнул. О, женщина, мой гроб, мой рок...

Его прямой и вожделеющий взгляд смущил и задел её. Она с невысказанным укором жалобно взглянула на него, и неожиданно для самого себя Невер почувствовал себя неловко. Он улыбнулся, — галантно и мягко, словно извиняясь, и низко поклонился. Губы Эстель чуть дрогнули в ответной улыбке. Их немой диалог продолжался считанные мгновения. Глядя вслед удаляющейся девушке, Морис де Невер запретил себе с ней всякие любовные шалости. Он думал об Эстель как о весьма милой крошке и улыбался.

Но, вспомнив о книге, которую всунул ему в руки Нергал, снова помрачнел.

Фолиант Фенрица содержал удручающую смесь самой вздорной глупости с отъявленной мерзостью. Ничего тамплиерского Невер в нём не нашёл. Клубок сатанизма, нимфомании и сатириаза. Читая, Морис временами ощущал необычное и болезненное плотское возбуждение, то и дело сменявшееся отвращением. Иступлённый сумбур вакханалий и неистовство оргий отталкивали не столько его тело, сколько душу. Он не был вульгарен — и не выносил вульгарность. Неброская гармония лунных ночей и летних закатов, трепетные стихотворные строки и мелодичные такты итальянских ариозо волновали его не меньше бело-розовых, лучащихся теплом женских тел. При этом ему казалось омерзительным выставлять напоказ то, что, по его убеждению, должно быть тайной. Тайной спальни и тайной души. Кощунственные, сатанинские пассажи в книге тоже раздражали. Если не веришь в Бога, это ещё не повод кадить дьяволу. Он устал и разнервничался, сам не понимая — почему.

Увидел на трюмо небольшой сафьяновый томик Готье, забытый Эммануэлем. Открыл.

Sur une gamme chromatique,
Le sein de perles ruisseant,
La Venus de l'Adriatique
Sort de l'eau son corps rose et blanc...
Les domes sur l'azur des ondes,
Suivamt la phrase au pur contour,
S'enflent comme des gorges rondes
Que souleve un soupir d'amour.
L'esquif aborde et me depose,
Jetant son amarre au pilier,
Devant une fasade rose,
Sur le marbre d'un escalier...¹

¹ Изгиб лагун извилином раковин —жемчужная метаморфоза:как перл, Венера Адриатики сияет телом бело-розовым. Колеблются в водах лазурных,трепещут в контуре неровномвершины куполов округлых,как девы грудь в пылу любовном.Ладья, пристав у колоннады,сиреневые волны вспенит.К дворцовым розовым фасадам по мраморным иду ступеням... (фр.)

Чарующая красота стихов волной омыла его душу. Эммануэль часто читал эти строки. При воспоминании об Эммануэле Морис почувствовал прилив тёплой нежности и одновременно отвращение к себе. Господи, что он делает? С досадой захлопнув толстый фолиант и отбросив его на тахту, где Невер встал и нервно прошёлся по комнате.

На следующий день он вернул книгу Нергалу, сказав, что прочитанное его не увлекло, и отказался посещать их сатанинские соборища. Нергал смерил его злым взглядом, но ничего не сказал. Невер постарался забыть этот неприятный инцидент и сатанинскую книгу, но некоторые строки и сцены из прочитанного глубоко врезались ему в память и часто вспоминались, вызывая саднящее телесное возбуждение.

* * *

Прошли первые недели учёбы. Встречаясь на лекциях и в библиотеке, приезжие стали постепенно запоминать имена и лица друг друга, некоторые делали первые попытки лучше узнать своих сокурсников. Бог весть почему, но особенно настойчивым это желание было у Эрны Патолс, темноволосой англичанки с горделивыми чертами египетской царицы. Вскоре по приезде она зашла к рыжей Лили фон Нирак и, подпиная спиной косяк двери, мерцающими глазами озирая свою сокурсницу, принялась расспрашивать немку о их сокурсниках. Вращавшаяся среди отпрывков самых аристократических семей Европы, Лили была для Эрны, приехавшей из Лондона и не знавшей никого из студентов, неиссякаемым кладезем информации. Лили же о каждом знала хоть что-то – слухов ли, сплетню, разговорчик, а о некоторых распорягала и вполне достоверными сведениями. Эрне не очень-то нравилась эта изломанная кривляка, считавшая, что ей равны разве что Гогенцоллерны, но выбирать не приходилось.

– Мормо? Август? – Лили вдела в ухо серёжку, – он родом из Австрии. Его пррапрадед сколотил недурное состояние, кое-кто даже считал, что он нашёл философский камень, так вдруг обогатился. Во всяком случае, Августу принадлежат сейчас замок Мормон в Цислейтании, не помню, в Далмации или Галиции, и дом Чемош в Транслейтании, в Венгрии. Или это Хорватия? – она чуть наморщила нос, вспоминая границы. – Впрочем, что за разница? Он считается завидным женихом, хотя…

– Хотя?

– Да кто его знает… – Лили внимательно оглядывала себя в зеркале, пудря нос, – сплетни ходят разные. Представь, в его огромном замке всего трое слуг, и никто с окрестностей туда – ни ногой. А, впрочем, мало ли вздора люди несут…

– А этот, что с ним постоянно… Фенриц Нергал, кажется.

– Фенриц? О, он тоже далеко не нищий. Я слышала о нём. Весёлый малый, гурман и жуир. Кутежи, карты да бордели. В последнее время, говорят, увлёкся наукой. – Лили, припудрив лицо, застегнула на шее замочек бриллиантового колье.

– А кто тот… высокий, чернявый, с носом, как у ворона. Кто он, кстати? Француз?

– Сиррах Риммон? Он, вроде бы, из Швейцарии. Но они пришлые. Там в роду, как я слышала, непонятная история. Вся родня вымерла в одночасье, дом Риммона как скосило. Сиррах – младший, по праву рождения ему светил бы разве что полковничий чин в армии, а теперь в его распоряжении солидный семейный капитал. Он единственный, кто остался в живых. Погибли его отец, брат и несколько слуг. История там тёмная, очень тёмная. Но сам он очень недурён… В нём что-то есть. – Лили плотоядно причмокнула губами и прикрыла веки.

Эрне на мгновение стало как-то не по себе, точно приближалось лёгкое недомогание, и она с досадой подумала, не простудилась ли на коридорном сквозняке? Однако с равнодушным видом продолжала осторожные расспросы, и, казалось, предмет беседы занимает её весьма мало. Лили же болтовня доставляла видимое удовольствие.

– Морис де Невер? Юный Казанова. Очень любит женщин. Когда проездом из Ньевра был в Париже, из борделей, по слухам, не вылезал. Хи! Говорят, его сорвала лет в тринадцать камеристка его сестры, а может, наоборот, шельмец сам соблазнил её, кто знает? Во всяком случае, красавчик – тот ещё ловелас. Говорят, что однажды он поспорил в Ньевре с приятелем на бутылку перье, что за один вечер обольстит жену местного судьи, славящуюся добродетелью. И, представьте, выиграл, Вальмон чёртов. А его слава дуэлянта? Замечено, кстати, что сам он не слишком-то вспыльчив, никого никогда не вызывал, но на него самого вызовы так и сыплются. Он убил уже дюжину возбуждённых болванов, чьи подружки, сестры и жёны были в восторге от красавца. На нём же самом – ни царапины, а ведь стрелялись с ним и де Перлон, и Валери – прекрасные стрелки. Забавно, да? В последнее время Селадона просто сторониться стали – кому охота на пулью-то нарваться?

– И, конечно, долги? Небось, прокутил уже всё, что было в семье?

– Нет. Его отец почему-то имел право пользоваться только процентами с семейного капитала, а завещано всё было Морису. Кроме того, мать Мориса – она из Шатобрианов – оставила ему немалую сумму. К игре он равнодушен, а бабы ему сами на шею вешаются. Правда, он транжирит деньги на наряды, но при его-то состоянии… Красавчик очень, очень мил. – Лили кокетливо провела щёточкой по бровям, и снова причмокнула алыми губами.

Эрна почему-то опять вздрогнула, ощущив волну непонятой, нервной дрожи, прошедшей от пяток и до макушки. Даже пальцы у неё заледенели. С чего бы? Но всё снова быстро прошло, и она продолжила непринуждённые расспросы:

– А кто этот… как его? На испанца похож или на итальянку…

– Ригель? – Лили задумалась, потом презрительно сморщила нос. – Декан сказал, что он испанец. Ничего о нём не знаю. И ведёт себя странно. Хотя, кто знает, он так красив, – Лили склонила голову и снова задумалась. В её зелёных глазах что-то блеснуло, и она едва заметно улыбнулась, обнажив мелкие белые зубы, мелькнувшие среди алых губ.

Эрна удивилась, что нищий испанец показался Лили красивым, сама она отнюдь этого не находила, но тут, уже в третий раз, она ощутила необъяснимый трепет, волной прошедший по телу. Уж не простудилась ли она, в самом деле? Почему так знобит?

– Толстого немца, этого, как его… а, Генриха Виллигута, я тоже не знаю, – продолжила между тем Лили. – Говорят, из какого-то приюта. Декан, он женат на кузине моего отца, говорит, что эти двое – тёмные лошадки. Но все документы в порядке и обучение обоих оплачено.

– А этот… забыла имя… ну, еврейчик, что с тобой приехал. Тоже тёмная лошадка? Как он смог пробраться сюда?

– А, Хамал? – Лицо Лили искривилось досадой и злостью. – Да с такими деньгами – куда хочешь проберёшься.

– Так он богат? – в вопросе Эрны промелькнула тень заинтересованности.

Лили хохотнула – возмущённо, злобно и несколько завистливо.

– Не то слово. Он состоятельнее Нергала, Мормо, Риммона и Невера, вместе взятых. Его прадед и дед были ювелирами и сколотили колоссальное состояние на заказах двора. Да и этот щенок разбирается в камнях. Сразу назвал стоимость моего колье и серёг, представляешь? С точностью до франка. Оказывается, я переплатила. Подумать только! Куда всё катится, чёрт побери, не понимаю. Раньше сынкам и внукам европейских ремесленников путь в обществоличных людей был заказан. А теперь, крестился и – нате вам, пожалуйста! – прошипела она с нескрываемым раздражением. – При желании этот иудей мог бы купить Версаль! Подумать только! Лезут эти парвено отовсюду, как голодные крысы. Один такой купил недавно фамильный замок Митгартов, представляешь?

– Митгартов? Его продали? – Братца и сестру Митгарт, своих соплеменников, Эрна запомнила, да и к тому же кое-что слышала о них в Лондоне.

– Они разорены. Подчистую. И думать, что положение можно поправить, – безумие. Бенедикту долги достались от отца, а, что касается Хеллы, то полагать, что такая уродина и бесприданница может сделать приличную партию, – несусветная глупость. Ты же видела эту каракатицу? Разве я не права?

Эрна согласно кивнула и бросила на Лили внимательный и пристальный взгляд своих странных, мерцающих, словно яхонты, глаз. В их тёмной радужной зрачок терялся, и трудно было понять, что за ним таится. Она медленно переводила глаза с сияющих на груди Лили бриллиантов – на стоящую на краю трюмо чёрную шкатулку, окованную по краям медными заклёпками. Потом её взгляд погас и устремился за окно – на старый вяз, среди зелёной листвы которого уже проглядывали первые пожелтевшие листья.

* * *

Между тем не только студенты Меровинга узнавали друг друга. Преподаватели университета тоже знакомились со студентами – и не могли скрыть удивления. Такого курса ещё не было, отметили несколько недель спустя после начала учебного года в деканате факультета. Студенты как на подбор. Свободное мышление, яркие дарования.

– Великолепные проверочные результаты! – воскликнул преподаватель английского языка и литературы профессор Уильямс. – Работа Гиллея Хамала выше всяких похвал, этот мальчик мыслит как истинный философ! Он излагает выводы, к которым я пришёл в пятьдесят, а ведь он ещё так юн! Сочинение Августа фон Мормо выдаёт зрелый ум, прекрасно рассуждает и Генрих Виллигут, что особенно удивительно, ведь он – сирота из приюта Ленажа. Кто оплатил его обучение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.